

Хайдеггер Мартин. Понятие времени / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: «Владимир Даль», 2021. — 199 с.

«Поводом для предварительного разговора о природе времени является переписка Вильгельма Дильтея и графа Пауля Йорка фон Вартенбурга», — так М. Хайдеггер начал свой трактат о понятии времени, написанный в 1924 г. как своего рода пролегомены к «Бытию и времени», где он с уважением пишет именно об этих двух персонажах переписки. Сборник состоит из двух частей. Обе называются «Понятие времени», но вторая — доклад, только часть которого сохранилась в рукописном наследии Хайдеггера, остальное — подробные конспекты, авторы которых неизвестны. Доклад был прочитан в 1924 г., но опубликован только в 1989 г. Хайдеггер был заморожен мыслью графа Йорка. Он писал: «Меня поразило превосходство графа Йорка во всех принципиальных философских вопросах; он инстинктивно превосходил свое время на полстолетия. Направление, в которое он явно вовлекает Дильтея, — то самое, о котором я говорил в моих лекциях о последнем, отмечая при этом, что Дильтей никогда в нем не двигался. Тем не менее Йорку точно так же недостает концептуальных возможностей, а также способов таковые создать. Такие замечания, как “философствование есть историческое мышление”, инстинктивно верные, но требуют настоящей прозрачности, а вот тут-то и начинаются трудности» (с. 169).

Что имеет в виду Хайдеггер под историчностью, которую, как он пишет, надо понимать, а не рассматривать историю? Он имеет в виду обнаружение смысла *бытия-историческим*, для чего необходимо раскрыть «бытийную структуру сущего, которая есть история» (с. 9). Это онтологическая задача: «Она заговаривает о сущем в направлении его бытия и понятийно оформляет в категориях таким образом выделенные бытийные черты этого сущего» (там же).

И далее Хайдеггер фактически ведет речь о том, что станет основой и в «Бытии и времени», и в «Основных проблемах феноменологии»: «Сущее должно — из себя самого — показать себя, то есть должно стать феноменом, и с ним надо заговаривать так, как оно само себя кажет. Поэтому феноменология есть тот способ исследования, в котором одном только и может начаться и удерживаться онтологическое изыскание... Бытиеразмерная основоструктура вот-бытия, с которой онтологически считывается историчность, есть временность. Поэтому задача понять историчность ведет к феноменологической экспликации времени» (с. 9–10).

Трактат «Понятие времени» состоит из четырех глав: «Дильтеева постановка вопроса и основная тенденция Йорка», «Изначальные бытийные черты вот-бытия», «Вот-бытие и временность», «Временность и историчность». В них рассматривается то, что потом было названо экзистенциалами, прежде всего «забота», которая «как бытийная черта вот-бытия стала автору очевидной в ходе изысканий, касающихся онтологических оснований антропологии Августина» (с. 62), «решимость» (с. 82). Бытийная черта вот-бытия рассматривается как «проба на историчность», возможность говорить о времени временно. Сам вопрос о том, что есть время, изменился на вопрос, кто есть время.

«Подобное вопрошание есть соразмерный подход ко времени и обращение с ним как со всегда моим. Вот тогда вот-бытие было бы бытием-вопросом» (с. 163).

Книга может быть рекомендована всем философствующим людям.

Кожев Александр. София — Фило-софия и феноменология / Предисловие А. М. Руткевича, подготовка текста Н. А. Руткевич и О. В. Головой. М.: ИИЦ «Праксис», 2021. — 158 с.

Как пишет А. М. Руткевич, «Александр Кожев почти ничего не публиковал на протяжении своей жизни. Главное его произведение было составлено слушателем прочитанного в 1933–1939 гг. курса, известным писателем Р. Кено» (с. 4), которому принадлежит и название курса «Введение в чтение Гегеля»: «Кожев согласился на публикацию написанного им трехтомника по истории античной философии и даже чуть доработал первый том, но второй и третий так и остались в виде наброска... Все остальные его труды оставались неопубликованными вплоть до смерти в июне 1968 г. и выходили один за другим после их расшифровки Н. В. Ивановой — почерк Кожева испортился еще в начале 1930-х гг., и различать в волнистой линии отдельные буквы умела только она» (с. 5). Руткевич описал состояние архивных материалов, сообщив, что предлагаемая книга была расшифровкой, сделанной Н. А. Руткевич и О. В. Головой, рукописи, которую удалось сохранить Ж. Батаю. Расшифрованной оказалась треть Введения предлагаемой книги, план которого (Введения) А. М. Руткевич предоставил читателю на с. 23, две части которого называются «Совершенное знание или “мудрость” (софия) и философия как стремление к совершенному знанию» и «Феноменология как диалектическое введение в философию».

В первой части Кожев рассматривает изречение «Познай самого себя» как философское задание, заключающееся в умении «жить и действовать в окружающем нас мире», но также и умение «ответить на все вопросы, которые могут нам задать и которые мы сами можем себе задать относительно нашей жизни и наших действий» (с. 43). Возможность такого умения заключается в осмысленной речи, в «обмене вопросов и ответов» (там же). Философом не может быть «изолированный от мира людей мыслитель», как считали Платон, Аристотель и вся «языческая» философия. «И только Гегель понял <...> что мудрость достижима только в результате коллективного усилия человечества и только на определенном этапе развития этого усилия. Только эта точка зрения совместима с истиной, т. е. не-теологической и атеистической философией» (с. 60–61).

При чтении этого фрагмента тон книги показался материалистическим. И действительно, Кожев заинтригован понятием «материя» и определяет его «как то “нечто” в пространстве и времени, которое делает их в каком-то смысле непроницаемыми для меня, которое я могу толкнуть или стукнуть, которое оказывает мне противодействие, которое может меня повредить и в конечном счете убить. И все это непосредственно, т. е. без посредничества другого человека» (с. 102), в каковом рассуждении слышится голос Гегеля с его идеей речи, которая «должна отражать собой и в себе все (реальное и идеальное) существование» (с. 149–150). При этом всеобъемлющая история должна

закончиться. «В этой идее “конца истории” (воспринятой Марксом), — пишет Кожев, — ... нет ничего материалистического. Предполагается просто то, что человечество достигнет когда-нибудь идеального, т. е. окончательного (как мы знаем, коммунистического), строя социальной и политической жизни» (с. 150).

Книга представляет интерес для всех увлекающихся историей философии.

Витгенштейн Людвиг. Заметки о цвете. «Реабилитация», 2022. — 160 с.

Как сказано в аннотации, «“Заметки о цвете” относятся к позднему периоду творчества Людвиг Витгенштейна и представляют собой посмертно опубликованные рукописи, содержание которых в основном посвящено логике цветовых понятий и ее языковой и социокультурной обусловленности. Традиционные философские вопросы, касающиеся характера зрительного восприятия, рассматриваются здесь с точки зрения важных для философии позднего Витгенштейна тем: значение как употребление, языковые игры, формы жизни. Значительная часть заметок посвящена критике сложившихся теорий и представлений о восприятии цвета, отталкивающихся от его физической и психической природы. Особое место отводится социокультурному контексту функционирования языковых выражений, используемых для описания цветовых явлений». Видимое совпадение: исследователь творчества Витгенштейна В. В. Бибихин тоже писал о цветовых явлениях в свой поздний период (см. его «Витгенштейн: смена аспекта»).

Книга состоит из Предисловия, написанного Г. Э. М. Энском, трех разделов без названия и заключающей книгу статьи В. А. Суровцева и К. А. Родина «Логика цветовых понятий в “Заметках о цвете” Л. Витгенштейна». Разделы состоят из тезисов: в первом — 88, во втором — 20, в третьем — 350. В последнем речь идет о понятии знания, которое никак не может пригодиться в этом исследовании: «Знание не является психологическим состоянием, посредством особенностей которого теперь объясняется всё, что можно. Особая логика понятия ‘знание’, напротив, не является логикой психологического состояния» (с. 137).

Книга рекомендуется философам, психологам, лингвистам, искусствоведам.